

ПРОЛОГ

Их нет.

Я мечтал об этом дне целых двадцать пять лет. Пока рос в другой части земного шара, с новым именем и в новой семье, я всегда гадал, смогу ли когда-нибудь снова увидеть маму, братьев и сестру. А теперь я здесь, стою возле ветхого дома в бедном районе маленького пыльного городка в Центральной Индии — месте, где я рос. Никто здесь не живет.

Последний раз я был здесь, когда мне было пять.

Дверь с оторванными петлями кажется намного меньше, чем мне запомнилось с детства, — теперь мне пришлось бы пригнуться, чтобы войти. Стучать смысла нет. Через окно, равно как и через щели в знакомой осыпавшейся каменной стене, я могу разглядеть крошечную комнатушку, где уютилась моя семья, потолок, которого я теперь чуть ли не коснусь головой.

Этого я больше всего и боялся: когда я наконец-то после долгих лет поиска найду свой дом, моих родных там не окажется. Мне едва удалось справиться с нахлынувшим страхом.

Уже который раз в жизни я теряюсь и не знаю, что делать. Только сейчас мне тридцать и в кармане есть деньги и обратный билет домой, но чувствую себя так

же, как на железнодорожном вокзале много-много лет назад, — становится трудно дышать, мысли путаются, и я жалею, что не могу изменить прошлое.

И тут рядом открывается дверь. Из соседней (не такой убогой) квартиры выходит женщина в красном платье, на руках она держит ребенка. Видно, что она сгорает от любопытства. Я похож на индийца, но моя европейская одежда совсем новая, а волосы аккуратно подстрижены — я, вне всякого сомнения, нездешний, иностранец. Но хуже всего то, что я не знаю языка, поэтому, когда она заговаривает, могу лишь догадываться, что она интересуется, что мне здесь нужно. Я почти не помню хинди, к тому же не уверен, что смогу правильно произнести даже те немногие слова, что знаю. Я поясняю:

—Я не говорю на хинди, я говорю по-английски.

И с изумлением слышу в ответ:

—Я немного говорю по-английски.

Я указываю на брошенную квартиру и перечисляю имена тех, кто когда-то там жил:

—Камала, Гудду, Каллу, Шекила. — Потом указываю на себя и добавляю: — Сару.

На сей раз женщина молчит. И тут я вспоминаю, что мама кое-что дала мне еще в Австралии, как раз для подобного случая. Я роюсь в дорожной сумке и достаю лист бумаги формата А4 с моей детской фотографией. Я опять указываю на себя, а потом говорю:

—Маленький, — и, указывая на мальчика на фото: — Сару.

Я пытаюсь вспомнить, кто жил рядом с нами, когда это еще был мой дом. Жила ли какая-то девочка, которая теперь выросла и превратилась в эту женщину?

Она переводит взгляд с фотографии на меня. Не уверен, что она поняла, но на этот раз она нерешительно произносит по-английски:

—Люди... не живут... сейчас, — говорит она.

И несмотря на то, что она констатирует то, что и так очевидно, ее слова бьют меня как обухом по голове. Кружится голова. Я продолжаю стоять перед ней, не в состоянии пошевелиться.

Я всегда знал: даже если мне удастся найти дорогу домой, может оказаться, что моя семья переехала. За то короткое время, что я с ними жил, мы не раз переезжали с места на место — беднякам не приходится выбирать, где жить, а моя мама вынуждена была браться за любую работу.

Подобные мысли начинают вылезать из тех уголков подсознания, куда я их загнал. Я даже предполагаю, что моя мама умерла, но тут же отмахиваюсь от этой мысли.

К нам подходит какой-то мужчина, поэтому я вновь повторяю, как мантру, имена мамы — Камала, братьев — Гудду и Каллу, сестры — Шекила, и свое — Сару. Он уже собирается что-то ответить, как подходит еще один человек и перехватывает инициативу.

—Да? Чем могу помочь? — на безукоризненном английском говорит он.

Он первый, с кем я могу общаться на понятном мне языке с тех пор, как приехал в Индию. И моя история льется быстрой рекой: я жил здесь в детстве, пошел с братом и потерялся, вырос в другой стране, даже не смог вспомнить название городка, но теперь я вернулся сюда, в Ганеш Талай, чтобы попытаться найти маму, братьев и сестру. Камалу, Гудду, Каллу, Шекилу.

Моя история явно его удивила, и я еще раз перечисляю имена родных.

Через минуту он произносит:

—Подождите, пожалуйста, здесь. Я вернусь через пару минут.

В голове мечутся предположения — за чем он ушел? Приведет того, кто может знать, что с ними произошло? Может быть, даже даст их адрес? Но понял ли он, кто я? Долго ждать не пришлось. Вернувшись, он произнес слова, которые я не забуду никогда:

—Пошли со мной. Я отведу тебя к матери.

1

ВОСПОМИНАНИЕ

Когда я рос в Хобарте, на стене в моей спальне висела карта Индии. Мама — моя приемная мама, мамочка — поместила ее туда, чтобы я чувствовал себя как дома, когда я в шестилетнем возрасте, в 1987 году, приехал в эту страну, чтобы жить с ними. Ей пришлось рассказать мне, что там было нарисовано, — я был полнейшим неучем и, кажется, даже не знал, что такое карта, не говоря уже о том, что не представлял себе, как выглядят очертания Индии.

Мама весь дом украсила индийскими предметами — тут стояли статуэтки индусов, медные украшения и колокольчики, множество маленьких фигурок слонов. Я тогда еще не знал, что подобные вещи редко встретишь в обычном австралийском доме. Еще она в моей комнате развесила и разложила на комодке ткани с индийским орнаментом и поставила вырезанную из дерева куклу в яркой разноцветной одежде. Все эти предметы казались смутно знакомыми, хотя ничего из этого я раньше не видел. Другие приемные родители могли бы решить, что я еще маленький и мог бы начать жизнь в Австралии с чистого листа, так что могли бы воспитывать меня, не вспоминая о том, откуда я родом. Но родители сознательно